

Симбирск Гончарова в графике Н.Е. Дронникова

Из собрания Ульяновского
областного краеведческого музея

Мой идеал – художник Возрождения.
Отсюда скульптуры, живопись фигуративная и абстрактная,
книги по искусству и истории России, портретная галерея...
Я изображал движение и дух творчества...
Николай Дронников. Из «Автобиографии»

Райский, живо принимая впечатления, меняя одно на другое, бросаясь от искусства к природе,
к новым людям, новым встречам, – чувствовал, что три самые глубокие его впечатления,
самые дорогие воспоминания – бабушка, Вера, Марфинька <...>
Эти три фигуры являлись ему, и как артисту, всюду. Плеснет седой вал на море, мелькнет снежная вершина горы в
Альпах – ему видится в них седая голова бабушки.
Она выглядывала из портретов старух Веласкеза, Жерар Дова, – как Вера из фигур Мурильо,
Марфинька из головок Грёза, иногда Рафаэля...
Три фигуры следовали за ним и по ту сторону Альп, когда перед ним встали другие три величавые фигуры:
природа, искусство, история...
Иван Гончаров. «Обрыв»

Н.Е. Дронников.
«Автопортрет».
Бумага, гуашь. 2001 г. УОКМ.
Внизу подпись: «Н. Дронников.
Симбирск. 21.09.01.
Музею Гончарова от меня
и от Саши Симона»

Николай Егорович Дронников – русский художник, с 1970-х годов живущий во Франции. По словам самого творца, «искусством занялся рано, брат был первый учитель»: «Прямо из училища 1905 года брат ушёл на Курскую дугу и не вернулся». «Николай начинал как скульптор, – писал поэт В.И. Амурский. – Гипсовый мальчик, пускающий кораблик в ручье, – скульптура “Весна” была показана на общегородской выставке Дома пионеров столицы, открывшейся в июне 1941 года, за неделю до войны... Именно эту “Весну” Дронников считает “началом всех своих начал”. От неё ведёт свой календарь как

художник». Широко известен циклом портретов знаменитых современников, которые делал исключительно с натуры. «Единые и разные – Окуджавы, Высоцкий, Некрасов, Максимов, Бродский, Солженицын, Синяевский, Максим Шостакович, Баршай, Ашкенази, многие другие, – продолжает В.И. Амурский, – составившие дронниковскую галерею “Портретов современников”, часть оригиналов которой находится в его “домашнем музее”, а часть разошлась по различным собраниям, – поистине уникальное явление в художественной русской жизни в эмиграции последней волны во Франции...»

Работа камерной выставки «Н.Е. Дронников: искусство книги».
19-26 октября 2021 г., Историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова.
Из фондов УОКМ.

Свои рисунки, портреты, воспоминания Н.Е. Дронников часто оформлял в книги, которые «делались не в какой-то прекрасно оборудованной типографии, а в собственной скромной мастерской» малыми тиражами от 33 до 500 экземпляров. Мастер издавал произведения художников Ларионова и Гончаровой, воспоминания о встречах с Шагалом, сборники избранных стихов Бунина, Сирина, Бальмонта, Северянина...

Сотрудники Музея И.А. Гончарова не раз обращались к творчеству Н.Е. Дронникова, оказавшего неоценимую помощь в разыскании потомков семьи Гончаровых.

19–26 октября 2021 года в Историко-мемориальном центре-музее писателя в рамках Года книги в Ульяновской области работала камерная выставка «Н.Е. Дронников: искусство книги». Автор выставочного проекта Е.Б. Клевогина отметила: «Имя Николая Егоровича Дронникова тесно связано с потомками семьи Гончаровых. Благодаря этому художнику была установлена связь музея И.А. Гончарова в Ульяновске с французской ветвью потомков Гончаровых во Франции. Николай Егорович был близким другом Саша Симона – правнучатого племянника И.А. Гончарова, французского журналиста и писателя». На выставке, в частности, были представлены переданные в фонды музея издания Н.Е. Дронникова, посвященные С. Симону и Симбирску-Ульяновску. История поиска сотрудниками потомков семьи Гончаровых по линии брата писателя, Николая Александровича, тесно связана также с именем старшего научного сотрудника Ю.М. Алексеевой (1945–2013) и отразилась в музейной переписке с художником, многочисленных статьях и интервью¹.

В кратких, но пронзительных письмах и посланиях на самиздатовских открытках Николай Егорович в ответ на обстоятельную корреспонденцию Юлии Михайловны на протяжении ряда лет подчёркивал невозможность путешествия на родину. Например, читаем в письме из Парижа, датированном пасхальным воскресеньем 1992 года: «Я очень благодарен Вам о всех деталях поездки, но... много всего, плюс операция мне. А другого пути доставки портретов я не вижу. Я очень расстроен». На открытке собственного производства

SACHA
SIMON

Н.Е. Дронников – Ю.М. Алексеевой.
Открытка. Париж, 20 марта 1995 г.
УОКМ

Юли! Мих!
Сколько труда
Вы затратили,
забавляя меня
трудностями.
В России я
не буду никогда.
Тяните.
Это мой вклад
в русское лит-ру.
Музей вышло
здесь.
20.03.95 Ваш Н. Дронников

с надписью «SACHA SIMON» – краткое послание, датированное 20 марта 1995 года, с горьким признанием: «В России я не буду никогда». Сетования художника на здоровье, дальность поездки, трудность перевозки багажа навевают метания и сомнения Ивана Александровича Гончарова, с великим трудом уступившего заказчику и художнику в период создания знаменитого «третьяковского» портрета писателя. Эта ситуация живо описана литературоведом Ю.М. Лощицом в серии «ЖЗЛ»: «Того

самого портрета, который, прояви Иван Александрович еще чуть-чуть упорства и нежелания, так никогда и не был бы написан. Заказчик и художник заседали, упрашивали, отступали на время, чтобы зайти с неожиданной стороны. А «модель» увертывалась, придумывала всевозможные отводы, отговорки. <...> Итак, почти четыре года ушло на безуспешные переговоры. Никаких надежд у Крамского и Третьякова больше не было... И вот через несколько месяцев после резкого объяснения с Крамским он [Гончаров – И.М.] стоял в слабо освещенном углу выставочного помещения и разглядывал картину Ивана Николаевича, которая называлась «Христос в пустыне». <...> Словом, картина его поразила... Неизвестно, как именно они объяснились при встрече, но 23 февраля 1874 года Крамской радостно сообщил в Москву: «Портрет И.А. Гончарова имеет большое вероятие быть написанным мною».

До визита Н.Е. Дронникова в Россию переписка с сотрудниками велась около 10 лет: с 1991 по 2001 год. Сегодня письма художника хранятся в архиве Музея Гончарова. Согласно справочной информации, размещенной на сайте Национальной библиотеки Чувашской Республики, Н.Е. Дронников «в России стал выставляться с 2000 г.»: «Первая персональная выставка, приуроченная к 70-летию художника и организованная его другом, народным поэтом Чувашии Г. Айги, прошла в Чувашском государственном художественном музее (г. Чебоксары), а вторая – в 2001 г. – в г. Ульяновске».

Н.Е. Дронников и Ю.М. Алексеева.
Ульяновск, 2001 г. УОКМ

Экспозиция была представлена в Литературном музее «Дом Языковых» в рамках фестиваля «Ульяновск – культурная столица Приволжского федерального округа-2001». На выставке, получившей название «Живопись. Графика. Книги», демонстрировались живописные и графические произведения художника, материалы, связанные с потомками рода Гончаровых во Франции.

Пребывание Н.Е. Дронникова на родине Гончарова, знакомство с музеем писателя и его сотрудниками, прогулки по высоким волжским берегам нашли творческое отражение в целой серии различного рода интерпретаций увиденного в России: в графических работах, книжном искусстве, поэтических экспериментах. В фондах краеведческого музея хранится переданный художником комплект открыток «Обрыв», датированный 2001 годом и созданный в Париже по мотивам путевых впечатлений автора.

Н.Е. Дронников. Обложка комплекта открыток «Обрыв». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Самиздатовская серия «Обрыв» включает в себя цветную обложку и 21 графическую работу. Размер открыток: 14,5х11 см. Акварельная обложка с названием серии выполнена в традиционных для искусства данного автора цветах – белом, голубом, синем и коричневом. Это отметил ещё искусствовед В.М. Рожнятовский: «По признанию Дронникова, два «знаковых» для его творчества

цвета – это голубой и коричневый: тёплый и холодный, как два мира или две жизни». В цветовом композиционном построении заглавного рисунка отразилась излюбленная манера художника, когда «передать всё нужно в один миг». «Когда любое движение, касание связано с тем ощущением целого, которое удерживает весь образ», – заметил в свою очередь доктор искусствоведения С.М. Даниэль. Размытая форма то ли плывущего облака в голубом пространстве над синей толщей волжской воды, то ли до синевы тёмной растительности обрыва на фоне уходящей вдаль, сливающейся с небом Волги – всё те же бесконечные движения, динамика, сиюминутная смена образов и построений, воплотившиеся на обложке серии.

Н. ДРОННИКОВ

ОБРЫВ ГОНЧАРОВА

Н.Е. Дронников. «Обрыв Гончарова». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Постоянная работа художника со шрифтом, классическим печатным, перемежаемым авторскими надписями, роднит комплект открыток с иллюстрированной книгой. «Дронников задействует слово как изобразительный элемент, – продолжает В.М. Рожнятовский. – <...> прямо по фону вдруг возникают сопроводительные надписи – не бросающиеся в глаза, но создающие микромир картины. В результате проявления такой почти детской непосредственности в построении композиции фон становится многослойным, достигается перспективная глубина. <...> Еще одним постоянным знаковым включе-

нием выступает подпись художника, или чаще монограмма автора – «ДК». Особенно монограмма – автор задействует её и как цветовое пятно в композиции, и как komponующую деталь в объёмном построении».

Н.Е. Дронников. «Киндяковка». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Гончаровская беседка, крутизна волжского берега, знаменитая Киндяковка-Винновка – хорошо знакомые каждому жителю города архитектурно-природные объекты, прототипичные топонимике романа «Обрыв»², – схвачены художником с поразительной быстротой, переданы несколькими изогнутыми линиями в максимально упрощённых формах. «Выписывание» образов, тщательная детализация здесь противоречит единству замысла всей серии – передать неуловимую изменчивость, сиюминутность бытия, неповторимую красоту отдельно взятого момента.

Н.Е. Дронников. «Симбирск». Бумага, типографская печать. Париж, 2001. УОКМ

Открытки с авторскими наименованиями «Симбирск», «Киндяковка», «Винновка» создают ощущение скученности, убогости пространства за счёт изображения

прилепившихся один к другому до-
миков. Но согбенная одинокая фигу-
ра, прастенно возвышающаяся ель,
обрыва или рябая поверхность
идеи добавляют воздуха, движения,
простора. Как тут не вспомнить зре-
лые «душные» наблюдения Райского
в пензенском «Обрыве»: «Он с при-
страстным чувством, пробужденным
страхом, почти детскими воспоминани-
ями, смотрел на эту кучу разно-
характерных домов, домиков, лачу-
шек, сбившихся в кучу или разбросан-
ных по высотам и по ямам, ползущих
по склону оврага, спустившихся
на дно его, домиков с балконами,
с верандами, с бельведерами, с при-
стройками, надстройками, с венеци-
анскими окошками или едва замет-
ными щелями вместо окон, с голу-
батыми, сворочниками, с пустыми,
заросшими травой дворами». Но пе-
ред Борисом встают и иные картины,
связанные нежными впечатлени-
ями юности: «Волга задумчиво тек-
ла в берегах, заросшая островами, ку-
стики, покрытая мелями. Вдали жел-
тели пыльные бока гор, а на них си-
нелес; где-то белел парус да чайки,
словно махая крыльями, опускались на
воду, едва касались ее и кругами под-
нимались опять вверх, а над садами
тихо и медленно плавал коршун. Бо-
рис уже не смотрел перед собой, а
чуть замечал, как картина эта повто-
рялась в голове; как там распо-
лагались горы, попала ли туда вон та
оборочка, из которой валил дым; по-
моры и видел, что и мели там, и па-
ры белели. Он долго стоял и, закрыв

глаза, переносился в детство, пом-
нил, что подле него сживала мать,
вспоминал её лицо и задумчивое си-
яние глаз, когда она глядела на карти-
ну... Он пошёл тихонько домой, стал
карабкаться на обрыв, а картина как
будто зашла вперёд его и легла перед
глазами». Малиновские впечатления
художника Райского не диссониру-
ют с симбирскими видами художни-
ка Дронникова, а являются как буд-
то их молниеносным отражением на
бумаге.

Силуэты местных обитателей, в
основном стариков и старух, схваче-
ны в моменты их насыщенной деятель-
ности. «...художник пишет с натуры,

Н.Е. Дронников. «Изна».
Бумага, типографская печать.
Париж, 2001. УОКМ

отсекает лишнее ради особенностей:
даже не черт лица или фигуры, но
скорее – повадки изображаемого», –
подтверждает В.М. Рожнятовский.
Массивность фигур и нарочитость
явленных поз на удивление орга-
нично вписываются в местный пей-
заж, сопрягая человека то с природ-
ными объектами, то с деревенскими
застройками.

А вот прохожий поворачивает
голову – и художник схватывает тон-
кие, резкие черты лица, колкость и
тревожность взгляда. Данная открыт-
ка завершает серию «Обрыв». И этот
взгляд, будто брошенный назад, к тем
событиям и впечатлениям, позволив-
шим создать серию волжских набро-
сков, не является ли запечатлённым
взглядом самого автора?

Места и люди, любовно зарисо-
ванные, разбросанные по открыткам
комплекта с символическим наиме-
нованием «Обрыв», для Н.Е. Дронни-
кова оказались навсегда связанны-
ми с именем великого симбирянина
и его малой родиной. Неслучайно в
письме сотрудникам музея от 10 сен-
тября 2001 года, предвещающем при-
езд художника в Ульяновск, он бла-
годарно замечает: «Поклониться с
обрыва Волге Гончарова – это Ваша
заслуга».

Ирина Маршалова,

кандидат филологических наук,
заведующая сектором научной работы
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова

Дальше всего продолжались поиски
по линии брата романиста.
Был известно, что единственная внучка
Ивана Гончарова, Елизавета Алексан-
дровна, в 1907 году вышла замуж за фран-
цуза Пьера Симонов и уехала жить во Фран-
цию. Юлия Михайловна обращалась в
советское посольство этой страны с прось-
бой помочь найти потомков Елизаветы и
Пьера Симонов, направляла статьи в рус-
ские газеты Франции, но не было никаких
результатов. Летом 1991 года музей Гонча-
рова посетил потомок симбирских дворян
Мещерский, живущий во Франции. Юлия
Михайловна обратилась к нему с прось-
бой помочь найти Симонов. Мещерский
разместил объявление в парижской газе-
те для русских эмигрантов, и... на объяв-
ление откликнулся Николай Дронников,
русский художник, живущий во Франции.
Он сообщил адрес Кристиан Симонов, доче-
ри своего друга Саша Симонов. Завязалась

активная переписка Симонов и Julie, как
они называли Юлию Михайловну. В июне
1992 года Поль, Изабель, Элизабет и Клер
Симон впервые приехали в Ульяновск на
празднование 180-летнего юбилея писа-
теля. Это была волнующая и незабываемая
встреча. Симоновы стали большими друзья-
ми не только Музея, но и многих ульянов-
цев. А фонды музея И.А. Гончарова теперь
располагают большой коллекцией доку-
ментов, фотографий и личных вещей
представителей этой семьи». – *Ната-
лья Михайлова*. Она разыскала потомков
семьи Гончаровых. URL: [https://ulpressa.
ru/2015/12/18/ona-razyiskala-potomkov-
semi-goncharovyih/](https://ulpressa.ru/2015/12/18/ona-razyiskala-potomkov-semi-goncharovyih/)

² «Когда роман «Обрыв» вышел в печа-
ти, современники узнали в имени Бори-
са Райского Малиновке имя симбир-
ских дворян Киндяковых. «Киндяковский»
материал, симбирские мотивы и обра-

зы действительно ощущаются в романе.
В роман вошли роща, сад, пруды, оранже-
рея, дома Киндяковых, деревня Виннов-
ка, названная Малиновкой. Симбирск же
обозначен Гончаровым как город С. <...>
О том, что Гончаров в «Обрыве» опи-
сал Киндяковку, было известно и за пре-
делами Симбирска. Об этом упоминал
Н.А. Державин: «Местность, связывае-
мая с гончаровским «Обрывом», находит-
ся в полутора верстах от города и извест-
на у симбирских жителей под названи-
ем Киндяковки, полученным ею от фами-
лии прежних её владельцев. Перси-Френч
заботливо сохраняет рощу, парк, усадь-
бу и обрыв к Волге в том виде, в каком все
это было во время посещения Киндяков-
ки Гончаровым и в каком всё это изобра-
жено им в своем бессмертном романе». –
Виртуальная выставка «По симбирским
местам «Обрыва»». URL: [http://www.uokm.
ru/obryv/besedka.html](http://www.uokm.ru/obryv/besedka.html)